

УДК 811.161.1'373.611(470.33)

ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ЛЕКСИКИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ТВЕРСКИХ ГОВОРАХ

Л. Н. Новикова

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

В статье рассматривается взаимодействие литературного языка и диалектов на лексическом уровне, показывается иерархическая подчиненность диалектных систем, устанавливаются способы адаптации литературных слов в говорах, определяются модификации словообразовательных моделей.

Ключевые слова: *диалектные лексические системы, экстралингвистический фактор, семантико-стилевая адаптация*

Описательная диалектология в настоящее время располагает большим и разнообразным материалом, отражающим процессы динамики современных говоров на разных языковых уровнях.

Современное состояние языка характеризуется сближением литературной и диалектных систем по принципам развития. Похожесть заключается в расшатывании норм, в нарастающей вариативности языковых знаков, что свидетельствует о расширении возможностей языка в плане удовлетворения конкретных коммуникативных задач, язык становится более мобильным, тонко реагирует на ситуацию общения. С другой стороны, «утрата литературной чистоты и стилистической "высокости" в определенной степени снимает и нейтральность в оценке событий. Стилевая неразборчивость, как протест против патетики и показухи прошлых времен, рождает в то же время стилевую глухость и утрату чувства языка» [2, с. 5]. Но исследователи сходятся в одном, что современные изменения затрагивают не систему языка, а лишь языковую способность, «умение говорить», «ассоциативно-вербальную сеть», по Ю. Н. Караулову, и, как следствие, тексты на данном языке. «Чтобы оценить состояние русского языка, является целесообразным различать два аспекта: структуру языка (*langue*) и умение пользоваться им, языковую способность (*language*). Что касается структуры языка, то тут русскому языку ничто не угрожает... Отмечается некоторое расшатывание нормы. Но это свойственно всем современным языкам, тем более «большим» языкам, на которых говорит этнически пестрое население. К тому же, отношение к нарушениям нормы также изменилось: французские лингвисты говорят даже о "плюронорме", хотя французский язык всегда был одним из самых "нормативных" языков Европы» [7, с. 16].

Похожесть процессов, происходящих в двух основных формах национального языка – литературной и диалектной, в настоящее время позволяет сделать вывод об их наибольшем сближении, пожалуй, за всю историю их сосуществования. Современное состояние языковой системы русского языка в целом характеризуется динамичностью, сосуществованием старого и нового, стабильного и подвижного, стремлением к удобным и целесообразным формам выражения: «Язык словно нащупывает эти формы, и поэтому ему необходим выбор, который обеспечивается наличием переходных языковых случаев, периферийных явлений, вариантных форм» [2, с. 10]. Эти явления присущи и литературному языку, и говорам. Но при этом есть различия в существовании этих систем. Колебания системы говора, обусловленные процессом исторического развития, имеют, по сравнению с литера-

турным языком, значительно большую амплитуду. В диалекте одновременно существуют языковые явления, генетически принадлежащие к разным синхронным пластам.

Другим значительным фактором, определяющим специфику диалектных систем, является фактор территории, который органически входит в само понятие говора, но почти не существен для литературного языка. Диалектный язык по своим характеристикам близок к устной форме кодифицированного литературного языка, но при этом не следует забывать о специфике сопоставляемых объектов: система литературного языка и система диалектного языка не равноправны в иерархическом отношении. Одна из них (система говора) подчинена другой (системе литературного языка), поэтому многие из сопоставляемых языковых фактов литературного языка и говора представляют собой не результат имманентного развития, а формировались под влиянием либо литературного языка, либо говоров. «В силу различного рода внешних и внутренних причин генетически исконный лексический фонд сопоставляемых систем в своем развитии в каждой конкретной частной системе актуализирует нетождественные имплицитные возможности каждой из них, в результате чего частные результаты такого развития в каждой из сопоставляемых систем часто оказываются неодинаковыми» [5, с. 8].

При всей общности процессов, происходящих в литературном языке и говорах на современном этапе развития языка, бесписьменная форма существования русских говоров накладывает определенный отпечаток на конечные результаты этих процессов. В говорах во многих случаях вводится в норму то, что в литературном языке существует лишь как потенциальная возможность системы, но ни в одной из частных диалектных систем возможности системы русского языка в целом не реализуется полностью: «Никогда, ни в какую эпоху говорящими не были и не могли быть использованы до конца все формальные возможности, представляемые языком, каждая последующая эпоха в своих новообразованиях руководствовалась не общей тенденцией к систематичности, а кругом ассоциаций, с одной стороны, с тем, что уже реально в языке осуществилось, и, с другой стороны, с тем, что нуждалось в выражении» [1, с. 130]. Этот факт приводит к тому, что появляются незаполненные звенья системы, соответствующие нереализованным возможностям русского языка. В каждой частотной диалектной системе распределение незаполненных пространств различно, и это приводит к возникновению диалектных различий между отдельными говорами, с одной стороны, и между говорами и литературным языком – с другой. «Нереализованная часть системы – это зона исторически грядущих возможных языковых инноваций, а также зона, в которой осуществляется окказионально-речевое творчество носителей языка» [3, с. 30].

Норма в диалекте более динамична, чем в литературном языке, ее эволюция обозрима на меньшем хронологическом отрезке, в основном на протяжении жизни одного-двух поколений. Отсутствие письменной кодификации норм говора способствует реализации в практике носителей говора более широкого круга разнообразных потенциальных возможностей системы языка, в результате чего в говоре возникает много лексических образований, которые имеют всеобщее употребление, но, самое главное, в говорах сравнительно легко образуются новые слова, которые имеют единичный характер и которые удовлетворяют потребности данной конкретной речевой ситуации. В говоре с. Васильевское Калининского района нами отмечены случаи окказионального образования слов по разнообразным моделям, которые не являются общеупотребительными в говоре: *работала ф*

*шв'ейных маст'ерск'их / **швейничала** долго // в Вас'ил'ск'им **сапожыли** и **кузн'ечил'и** (шили сапоги и работали кузнецами) // **обуван'иэ** грубое было / **нат'ортышы** на ногах *фс'егда* были // как долго *загул'ашис'а* - **бран'йо** было *бол'шое от род'ител'еф* (бранились родители) [6].*

Функционирование словообразовательной модели в литературном языке и говорах различаются тем, что если в говоре используется та или иная модель, то количество слов, в которых она реализуется, будет менее определенным, чем в литературном языке. Образование слов в говорах во многих случаях реализуется не только конкретными фактами, но и формулами создания тех или иных речевых единиц: «В любом сложном языковом образовании, в частности и в слове, помимо единиц, имеющих конкретную звуковую оболочку, в качестве единицы языка выделяется та или другая формула строения данного образования. Иначе говоря, сложное языковое образование не есть просто сумма входящих в него единиц языка, обладающих определенной звуковой оболочкой, но оно включает в себе также известное правило их соединения» [8, с. 18].

Словообразовательная система говора включает наряду с общеупотребительным лексическим фондом, который используется всеми носителями данного диалекта, и потенциальные слова, которые могут быть созданы из индивидуально выбранных морфем. Такие слова создаются для осуществления данного конкретного акта коммуникации, если говорящий почему-либо затрудняется подобрать какое-либо общеупотребительное слово. В говорах граница между такими индивидуальными потенциальными словами и словами общеупотребительными очень зыбка и динамична, «потому что слова конкретного языка в словообразовательном отношении почти всегда образуют такой ряд, в котором в процессе существования языка одни звенья по разным причинам выпадают, а другие создаются вновь» [5, с. 69].

В говорах зафиксировано много слов, о которых невозможно со всей определенностью сказать, являются ли они общеупотребительными или же созданы окказионально по регулярной модели для удовлетворения потребности, возникшей в данной конкретной речевой ситуации. По отношению к некоторым производным словам в говоре с гораздо большим основанием, чем к производным литературного языка, можно говорить о кодифицированности словообразовательной модели, чем о кодифицированности отдельных слов. Анализ процесса создания в говоре окказиональных слов помогает вскрыть возможности и активные факторы спонтанного развития данной языковой системы. Этот процесс трудно наблюдать, так как не часто удается зафиксировать достаточно доказательный лексический материал. В обследованных нами говорах Калининской подгруппы, принадлежащих к Владимирско-Поволжской группе говоров, отмечены такие производные, которые не отмечены ни «Опытом словаря говоров Калининской области», ни другими сводными, обобщающими диалектными словарями. Таковы, например, случаи образования наречий от существительных с пространственным значением: *Дом – от **речнее** стоял, как раз околь реки; мотыга **огороднее** стоит, от серёдки дома к огороду; клюква **болотнее** растет, идти **долже**, чем до лесу*. Все эти новообразования имеют значение 'близко к тому, что названо производящей основой'. В исследованных говорах широко представлено отадъективное транспозиционное словообразование имен существительных со значением отвлеченного признака с суффиксом *-ин*: *глубокий – **глубина**, далекий – **далина**; высокий – **вышина** (и **выси-на**); **крепкий** – **крепчина**; **грубый** – **грубина**; **смелый** – **смелина**; **веселый** – **веселина***. На фоне этой общеупотребительной модели отмечены единичные образования,

которые мы склонны отнести к окказионализмам: *кады свадьба – веселянье идет три дня; глубота в энтим м'ис'т'е большая; длинность и ширость дома оммеряли*. Примеры показывают, что в устной диалектной речи норма определяется исключительно внутренними закономерностями существования и развития говора. Та или иная словообразовательная модель не фиксируется где-либо, кроме как в памяти диалектоносителя, поэтому в говоре нет четко очерченного образцового эталона, на который можно было бы равняться. При спонтанной речи происходит неосознанное подчинение интуитивно ощущаемым законам языковой системы и тенденциям ее развития. Экстралингвистический аспект этого явления отражается в том, что «оценочное отношение носителей говоров к своей местной речи... в период существования национального языка почти всегда складывается в пользу литературного языка» [5, с. 70]. На функционирование норм в диалектах решающий отпечаток накладывает также и то обстоятельство, что в современных условиях нет социальной необходимости в их сохранении и закреплении, как это наблюдается в отношении литературного языка с его многофункциональностью. Словообразовательные нормы в говоре все время размываются под влиянием литературного языка и отчасти под влиянием соседних говоров.

Диалекты и литературный язык выступают как части единого национального языка и реализуют общие тенденции развития. Продолжительное соседство говоров и литературного языка обеспечивает их постоянное взаимодействие. Для многих людей средством коммуникации является тот или иной говор, уже достаточно поколебленный как целостная система под влиянием литературного языка, «представляющий собой ... индивидуализированный неопределенный языковой этап на пути коренной перестройки говора по модели литературного языка» [5, с. 156].

Процесс отхода от диалектной речи протекает неравномерно в разных ярусах языковой системы говора, потому что они характеризуются разной степенью устойчивости в отношении внешних воздействий и, в первую очередь, воздействия литературного языка. Лексика является самым подвижным звеном диалектной системы, наиболее проницаемым, поэтому процесс взаимодействия литературного языка и говоров отражается прежде всего в ней.

Лексические системы говоров и литературного языка имеют разный социальный статус: система говора иерархически подчинена системе литературного языка, и процесс их взаимодействия детерминирован как интралингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Внешнее влияние на говор определенное всего можно обнаружить в том случае, если оно выражается в заимствовании слов из другой лексической системы, например, из литературного языка, и если при этом их можно квалифицировать как заимствованные, а не как исконные для данного говора.

Другим фактором, влияющим на процесс взаимодействия двух систем, является отсутствие зрительного образа, закрепленного графически, у носителя диалекта и привычного для носителя литературного языка. Такой зрительный образ корректирует фонематический состав слова и служит сдерживающим началом, сопротивляющимся внешним, случайным ассоциациям, которые могут возникнуть при быстром и небрежном воспроизведении звукового образа слова в потоке речи.

Движение литературных слов в диалекты обусловлено общими процессами, происходящими во внеязыковой действительности, в реальной жизни. Общность внеязыковой ситуации современного города и деревни вызывает естествен-

ную потребность обращения диалектов к словарю литературного языка: *Моя дочка в городе в солярию ходит загорать.*

Современный диалектный контекст состоит из комбинации лексико-фразеологических элементов говора и литературного языка. Обилие литературных слов, глубоко вошедших в крестьянскую среду, их тематическая разноплановость являются свидетельством влияния литературного языка на языковую структуру говора. Процесс изменения словарного состава говора двусторонний: во-первых, исчезает устаревшая лексика с исчезновением реалий деревенского быта; во-вторых, появляются новые слова с появлением новых реалий в диалектах. Процессы освоения литературной лексики в диалекте протекают неравномерно на огромной территории русского языка. Универсальное условие заимствования лексики литературного языка – это необходимость быстро восполнить недостающие звенья лексической системы. Поэтому, чем теснее объективные связи: социально-политические, семейные, культурные, тем выше необходимость лексического восполнения. Экстралингвистическая связь взаимодействия современного города и деревни – основа современного культурно- исторического момента заимствования.

При контактах диалектно-литературных, в отличие от контактов разных языков, должны сохраняться все социальные преимущества литературной лексики. При заимствовании литературным языком, с его опорой на норму и стилевую организованность, слова из другого языка строже выступает семантико-стилевая дифференцированность заимствованного слова и его русского аналога. При освоении диалектной системой литературного слова это проявляется в меньшей степени. Слово литературного языка считается в говоре освоенным, если оно правильно воспроизводится не только по форме и содержанию, но и сохраняет свои системные отношения в языке. Если диалектная система навязывает новому слову свои структурные и языковые признаки, деривационные или фразеологические, то в этом случае преждевременно говорить об освоении литературного слова говором. Хотя надо отметить, что в большинстве случаев трансформация фонетического или морфологического облика слова не создает коммуникативной ущербности высказывания, не мешает общению не только носителям говора между собой, но и с литературно говорящим собеседником: *в радие играют; райдуга на полнеба; редче дочь стала приходить, сын у них полумный; давлению хочу померить, голова болит; компьютеру внуку купили; в больничу поехали; внучка в училищу надохтура поступила; колодно сегодня; ехать по метру надо; в Нялидову поехал и др.*

Соотнесение входящего в говор литературного слова с узуально-нормативным представлением системы литературного языка – залог единообразования слова. Так как диалектная речь с отсутствующими кодифицированными нормами постоянно стимулирует варьирование языковых средств, то единообразие должно стать тем критерием, который способен объединить литературный язык и диалекты. Но, как правило, освоение литературного слова проходит через ступень адаптации к фонетической, морфологической системе говора. Например, если в говоре отсутствует ассимилятивное смягчение согласных, то заимствованное из литературного языка слово *пенсия* произносится как [пэнсија], если в фонетической системе говора есть прогрессивная ассимиляция по глухости/звонкости, то оно произносится как [пэнзија]. Однако в диалектных произносительных нормах существенную роль играет возрастной фактор. Те же слова в речи младшей или средней возрастной группы произносятся как в литературном языке, и, таким

образом, под влиянием возрастной дифференциации коллектива нарушается единое словоупотребление, что обеспечивает языковую динамику. Ведущую роль в освоении новых для говора слов играет знание предмета, денотата номинации, что способствует сохранению тождества слова, несмотря на многочисленные и разнообразные трансформации звуковой оболочки, при этом семантика литературных слов тождественна диалектной.

При переходе слова из одной лексико-семантической системы в другую иногда наблюдается семемное несовпадение слов говора и литературного языка. Например, глагол *воспитывать* имеет в тверских говорах значение *кормить, одевать*: *Девка выйдет замуж, кто меня воспитывать станет, я уж старая*. По сравнению с литературным языком, в котором этот глагол имеет следующие значения: 1. Вырастить, дав образование, обучив правилам поведения; 2. Путем систематического воздействия, влияния сформировать чей-н. характер; 3. Привить, внушить что-н. кому-н. [4, с. 85] – произошло расщепление смысловой структуры и закрепление одного из значений, причем в суженном варианте. Лексема *бал*, имеющая в литературном языке значение *'большой танцевальный вечер'* [4, с. 31], в тверских говорах имеет более узкое значение *'праздник по поводу именин'*: *Завтра Елисаветин день, именины мне, на бал всех позову*. Слово *бумага* из двух значений, закрепленных в литературном языке: 1. Материал для письма, а также для других целей, изготовленный из древесной или тряпичной массы; 2. Официальное письменное сообщение, документ, рукопись [4, с. 56], в тверских говорах используется более активно во втором значении: *Тебе бумагу из военкомата принесли*.

Воспринимающая система диалекта осваивает в говоре те семы или семемы, которые актуальны для носителей диалекта не с лингвистической стороны, а с точки зрения соотношения с обиходно-смысловым денотатом. Поэтому абстрактная лексика претерпевает различного рода модификации, связанные с конкретизацией значения. Например, при освоении слова *культура* система диалекта отбирает конкретные составляющие семантической структуры данной лексемы, а именно, обозначение сторон деревенской жизни, противопоставленных городской, способных олицетворять то, что деревенские жители именуют культурой: домашний быт, речь, образование. *Молодым-то надо культуру: свет, радио; а у нас народ культурный, скота в избе не держит; в речи она культурна*. Из примеров видно, что *культурный* – это соответствующий городскому образу жизни. Относительно свободное употребление, широкая ассоциативность приводит к тому, что слово *культурный* переходит в сферу моральной стилистики: *Ишь кака обряжуха, вся в шерсти ходит, с виду культурненька, а сама поганенька; зять культурный такой, хороший, неломливый*.

Таким образом, слова литературного языка, воспринимаемые диалектами, проходят естественный семантический путь. Как единицы языка, в которых заложены указания на определенные признаки, они поддаются воздействию диалектной речи со всеми присущими ей особенностями. Сам факт регулярного воспроизведения литературного слова в речевой деятельности носителя говора и есть верный показатель освоенности слова в диалектной системе.

Список литературы

1. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Киев: Радянська школа, 1952. Т. 1. 445с.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2001. 303 с.

3. Лыков А. Г. Русское окказиональное слово: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ, 1972. 59 с.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1987. 796 с.
5. Осовецкий, И. А. Лексика современных русских народных говоров. М.: Наука, 1982. 197 с.
6. Примеры взяты из материалов диалектологических экспедиций, хранящихся на кафедре русского языка Тверского государственного университета.
7. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Наука, 1996. 473 с.
8. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 260 с.

**THE FORMAL-SEMANTIC ADAPTATION OF THE VOCABULARY
OF THE LITERARY LANGUAGE IN THE TVER TALKS**

L. N. Novikova

Tver State University
The department of the Russian language

The article discusses the interaction of literary language and dialects at the lexical level is examined, the hierarchical subordination of dialect systems shows, are established the methods of the adaptation of literary words in the talks, the modifications of word-building models are determined.

Key words: *dialect lexical systems, extralinguistic factor, semantics- stylistic adaptation, okkazionalizmy, potential words*

Об авторе:

НОВИКОВА Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (1700000, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: novikova_54@mail.ru